

А 180
697

Рабъ-мудрецъ.

Разсказъ о римскомъ мудрецѣ

Эпиктетъ.

— ↻ № 502. ↻ —

Отдѣл. тип. Т-ва И. Д. Сытина, Петрова, домъ Обединой.

Москва—1904.

А 180
697

Рабъ-мудрецъ.

РАЗСКАЗЪ

О РИМСКОМЪ МУДРЕЦЪ

Эпиктетъ.

* № 502. *

ОТДѢЛЕНІЕ ТИПОГРАФІИ Т-ВА И. Д. ОМЯНА, ПЕТРОВКА, Д. 21.

МОСКВА.—1904.

—Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 июля 1903 г.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
— ССР
ул. Д. И. Девкина

56624-50

2007082490

РАБЪ-МУДРЕЦЪ.

Эпиктетъ родился въ Малой Азіи *), въ городѣ Гіераполѣ, около 60-ти лѣтъ спустя послѣ Рождества Христова.

Малая Азія, лѣтъ за сто до Р. Х., была покорена римлянами, и римскіе императоры управляли ею черезъ своихъ намѣстниковъ. Покоренные народы платили дань римскому государству и находились у него въ полномъ порабощеніи. Многіе изъ жителей увозились въ Римъ **) и тамъ дѣлались рабами богатыхъ римскихъ вельможъ.

*) *Малая Азія*—или нынѣшняя Азіатская Турція—та страна, гдѣ находится старый Іерусалимъ.

**) *Римъ*—главный городъ Римскаго государства.

Такъ и Эпиктетъ былъ привезенъ въ Римъ еще мальчикомъ и тамъ попалъ въ рабы къ Эпафродиту. Эпафродитъ былъ одинъ изъ приближенныхъ сановниковъ тогдашняго римскаго императора Нерона, извѣстнаго своими жестокостями и злодѣянiями. Хозяинъ Эпиктета, какъ и большая часть господъ того времени, обращался съ своими рабами круто и даже потѣшался иногда тѣмъ, что мучилъ ихъ. Такъ, однажды, онъ вздумалъ испытать мужество Эпиктета и сталъ бить его палкой по ногѣ. Эпиктетъ безропотно молчалъ, и удары становились все сильнѣе и сильнѣе. Тогда Эпиктетъ спокойно сказалъ своему господину:

— Такъ можно и ногу сломать.

Эпафродитъ еще пуще размахнулся и изо всѣхъ силъ ударилъ Эпиктета по ногѣ ниже колѣна. Кость переломилась, и

Эпиктетъ упалъ на землю. Онъ не плакалъ и не стопалъ, а кротко сказалъ своему хозяину:

— Вѣдь я говорилъ тебѣ, что ты сломаешь мнѣ ногу.

Эпафродитъ удивился терпѣнію своего раба и устыдился своей жестокости. Эпиктетъ же остался на всю жизнь калѣкою, и никогда больше не былъ способенъ къ тяжелой работѣ.

Вообще всѣмъ своимъ поведеніемъ Эпиктетъ постоянно удивлялъ своего хозяина. Онъ всегда исполнялъ свое дѣло расторопно и хорошо и поступалъ такъ не изъ страха наказанія, какъ другіе рабы, но охотно и радостно, нисколько не стыдился своего рабскаго положенія. Разъ Эпафродитъ похвалилъ Эпиктета и спросилъ: откуда у него, несчастнаго и жалкаго раба, берется такое постоянно доб-

рое и радостное расположение духа?

Эпиктетъ отвѣчалъ:

— Будь праведенъ и ты буденъ свободенъ и радостенъ. Только пороки дѣлають человѣка рабомъ. Всякій, кто захочетъ, можетъ получить свободу — не ложную, а истинную: для этого нужно только освободить себя отъ своихъ похотей.

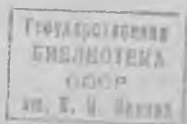
Эпафродитъ понялъ, что въ Эпиктетѣ есть что-то особенное, непохожее на другихъ людей, и сталъ отличать его отъ прочихъ своихъ рабовъ, а потомъ вскорѣ отпустилъ его и на волю.

Получивъ вольную, Эпиктетъ сталъ учиться у извѣстныхъ тогда мудрецовъ-стоиковъ: *) Эврата и Музонія Руфа.

*) Основателемъ школы стоиковъ былъ греческій мудрецъ Зенонъ, жившій за триста лѣтъ до Р. Х.

Стоики были люди въ самомъ дѣлѣ стойкіе въ своей добродѣтельной жизни. Стоики учили, что человѣку слѣдуетъ класть свое благо въ томъ, что отъ него зависитъ: въ справедливости, въ добромъ расположеніи къ людямъ, въ чистотѣ духовной; а всѣ дѣла внѣшнія: людское мнѣніе, богатство, жизнь тѣла—считать не своимъ. „Этимъ, говорили они, распоряжается Богъ, Отецъ мой, а не я. И мое дѣло только хотѣть, желать то, чего Онъ хочетъ“.

Эпиктетъ много бесѣдовалъ съ своими учителями и глубоко проникался ихъ ученіемъ, такъ какъ мысли эти были сродны его душѣ. Узнавъ отъ своихъ учителей все, чему они могли научить его, Эпиктетъ скоро догналъ и опередилъ ихъ въ разумѣніи жизни. И тогда, въ свою очередь, около него стали собираться

люди, искавшіе истину и желавшіе жить праведно.

Мудрыя рѣчи Эпиктета, его искренность, краснорѣчіе и сердечное благо-расположеніе ко всѣмъ людямъ очаровывали его собесѣдниковъ. Часто случалось, что люди приходили послушать его рѣчей для того, чтобы возражать ему, но покорялись неотразимой справедливости его словъ и уходили отъ него съ смягченнымъ сердцемъ и просвѣтленнымъ умомъ. Многіе изъ слушателей Эпиктета бросали свою прежнюю порочную и суетную жизнь, начинали жить по-новому и всюду разносили сѣмена добродѣтели и истиннаго, ничѣмъ не нарушимаго, счастья.

И несмотря на насмѣшки глупцовъ и на козни завистниковъ, далеко по міру разнеслась молва о новомъ мудрецѣ —

стоикѣ Эпиктетѣ, и отовсюду, изъ близкихъ и дальнихъ странъ, стали стекаться къ нему ученики.

Учитель Эпиктета—Музоній не столько умѣлъ красно говорить, сколько выдавался удивительною честностью и прямою своего нрава. Эпиктетъ и самъ былъ нрава прямого и неподкупнаго, а примѣръ любимаго наставника еще больше укрѣпилъ въ немъ эти добродѣтели. Обращался Эпиктетъ со всѣми одинаково, никогда никого не старался задобрить и не поддакивалъ людямъ въ томъ, чему онъ въ душѣ не сочувствовалъ. Напротивъ того, онъ не боялся высказывать смѣлыя рѣчи, хотя бы онѣ и обличали образъ жизни сильныхъ міра сего.

Эпиктетъ признавалъ, что человѣкъ долженъ дорожить свободою не только своихъ рѣчей, но и поступковъ своихъ.

Онъ всегда совѣтовалъ людямъ избѣгать всего того, что связываетъ свободную волю. И по этой причинѣ онъ не одобрялъ клятвы.

— Для безчестнаго человѣка, — говорилъ Эпиктетъ, — клятва бесполезна: онъ привыкъ обманывать людей и, давъ клятву, не побоится ея нарушить. Честному же человѣку клятва не нужна, потому что онъ и безъ клятвы не измѣнитъ истинѣ. А между тѣмъ, клятва приноситъ много вреда: она связываетъ разумъ и совѣсть человѣка и часто обязываетъ его въ будущемъ дѣлать то, что противно волѣ Божьей.

Послѣ Нерона царствовалъ въ Римѣ императоръ Домиціанъ. Онъ ненавидѣлъ людей, которые открыто и смѣло говорили правду; и по его указу сенатъ постановилъ изгнать всѣхъ такихъ людей

изъ Рима. Пришлось и мудрецамъ-стойкамъ удалиться въ изгнаніе, и однимъ изъ первыхъ долженъ былъ уйти Эпиктетъ.

Сильно горевали оставшіеся въ Римѣ друзья Эпиктета о разлукѣ съ уважаемымъ и любимымъ наставникомъ. Но самъ Эпиктетъ, вѣрный своему пониманію жизни, не терялъ обычнаго своего спокойнаго и радостнаго расположенія духа и утѣшалъ своихъ учениковъ такими словами:

— Друзья и братья! меня трогаетъ ваша сердечная привязанность ко мнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ меня печалитъ то, что вы такъ мало прониклись тѣми истинами, о которыхъ мы постоянно бесѣдовали. Вы сами соглашались со мною въ томъ, что намъ не слѣдуетъ ничего желать такого, что отъ насъ не зависитъ,

потому что въ такомъ случаѣ мы подпали бы подъ власть другихъ. Такъ поступать не слѣдуетъ. Слѣдуетъ, наоборотъ, непрестанно внутренно повторять самимъ себѣ: веди меня, Господи, куда хочешь—въ Римъ, изъ Рима въ тюрьму, на смерть!

„Какъ только я скажу себѣ: какъ жаль, что мнѣ не дозволено оставаться въ Римѣ,—такъ я уже сдѣлалъ первый шагъ къ тому, чтобы быть рабомъ Рима и его властелиновъ. И если я не откажусь отъ своего желанія непременно оставаться въ Римѣ, то я какъ разъ попаду въ то, чего хочу избѣгнуть,—буду страдать и сокрушаться.

„Римъ прекрасенъ — слова нѣтъ; прекрасно и общеніе съ друзьями, съ которыми сжился; но еще прекраснѣе жить безъ всякихъ смущеній, волненій и со-

жалѣній, и никому и ничему, кромѣ Бога, не подчинять своего духа. Спокойная душа лучше всего.

„Если настало тебѣ время нести неприятности,—неси ихъ бодро, а не такъ, какъ осель, противясь, стоная и изнемогая подъ ударами кнута. Иначе ты сдѣлаешься рабомъ и того, кто изгоняетъ тебя изъ Рима, и того, кто можетъ выхлопотать тебѣ разрѣшеніе оставаться въ Римѣ.

„Живи настоящимъ, будь доволенъ всѣмъ, что съ тобою случается, и радуйся, когда тебѣ предстоитъ случай па дѣлѣ сдѣлать то, чему ты учился и учишь другихъ. Когда ты уничтожишь въ себѣ досаду и гнѣвъ, когда перестанешь смущаться и беспокоиться, тогда каждый день будетъ для тебя радостнымъ праздникомъ, въ который ты будешь праздно-

вать внутреннюю побѣду добра надъ зломъ. Въ этомъ должно быть твое повиновеніе Богу, твоя благодарственная молитва Ему. И тогда тебѣ будетъ все равно, въ какомъ именно мѣстѣ ты будешь счастливъ и угоденъ Богу.

„То, что отъ Бога, повсюду одинаково, и Богъ управляетъ всѣмъ, что дѣлается во вселенной“.

Уѣхавши изъ Рима, Эпиктетъ поселился въ городъ Никонолъ *). На новомъ мѣстѣ онъ сталъ учить на базарахъ и на площадяхъ. И тамъ онъ бесѣдовалъ со всякимъ желающимъ услышать отъ него мудрое слово о томъ, что нужно знать человѣку, чтобы жить разумно и потому счастливо.

И такъ какъ Эпиктетъ ко всѣмъ лю-

*) *Никополь* находится на Дунаѣ, въ теперешней Болгаріи.

дямъ относился съ одинаковымъ вниманіемъ и благорасположеніемъ, то и тутъ, въ изгнаніи, онъ привлекалъ къ себѣ столько же послѣдователей, сколько и въ Римѣ.

Люди видѣли, что онъ не только высказывалъ праведныя мысли, но и на дѣлѣ исполнялъ то, чему другихъ училъ, и это-то вселяло въ слушателяхъ уваженіе къ нему; и потому рѣчи его были для нихъ убѣдительны.

Эпиктетъ постоянно зорко наблюдалъ за собою и не давалъ всплывать въ своей душѣ тщеславію и другимъ порокамъ, столь соблазнительнымъ для людей, которые пріобрѣли обширную славу. Онъ былъ скромень и кротокъ, какъ Сократъ. Ничто не было ему такъ противно, какъ [†] гордость и хвастовство; и хотя его и признавали человѣкомъ очень добродѣ-

тельнымъ, однако, онъ самъ былъ о себѣ самаго плохого мнѣнія и никогда не хвалилъ себя; напротивъ, онъ всегда говорилъ, что никакихъ добрыхъ дѣлъ не дѣлаетъ.

Эпиктета поражала страсть людей скрывать свои пороки отъ другихъ и даже отъ самихъ себя и боязнь людей смѣло и открыто признавать свои ошибки. Самъ же Эпиктетъ не только не извинялъ себя въ томъ, въ чемъ чувствовалъ себя виноватымъ, но, напротивъ, всегда радовался и былъ искренно благодаренъ тому, кто обличалъ его погрѣшности.

— Лучше уступить правдѣ,—говорилъ онъ,—и отказаться отъ своего ошибочнаго мнѣнія или покаяться въ своемъ поступкѣ, нежели упрямо придерживать-ся своего мнѣнія или защищать свою ошибку и быть побѣжденнымъ правдою.

Онъ любилъ приводить въ примѣръ своимъ ученикамъ одного мудреца, по имени Агриппа, который, хотя и былъ человѣкомъ почти безупречнымъ, однако, никогда не говорилъ о себѣ чего-либо въ похвалу и краснѣлъ всякій разъ, когда кто-нибудь начиналъ хвалить его.

Онъ также часто вспоминалъ, какъ другой мудрецъ, когда ученики стали съ восторгомъ хвалить его послѣ одной его бесѣды, сказалъ имъ:

— Если послѣ моихъ словъ вы еще теряете время на расхваливаніе меня, то, значить, я ничего путнаго не сказалъ вамъ.

Эпиктетъ говорилъ, что истинная мудрость проявляется въ дѣлахъ людей, а не въ ихъ словахъ, и любимой его поговоркой было: „Терпи и воздерживайся“. И въ самомъ дѣлѣ, въ терпѣніи и воз-

держаніи онъ достигъ большого совершенства и въ этомъ приблизился къ образу жизни древняго мудреца Діогена, котораго онъ глубоко почиталъ.

Ученикамъ своимъ онъ часто повторялъ:

— Если вы такъ счастливы, что научились довольствоваться тѣло свое малымъ, то не гордитесь этимъ; если вы привыкли пить одну воду, то не хвастайтесь этимъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Когда упражняетесь въ какомъ-нибудь трудномъ дѣлѣ,—упражняйтесь въ немъ наединѣ. Такъ мудрецъ Аполлоній справедливо говорилъ: „Если хочешь приучать себя къ воздержанію и терпѣнію, то въ жаркій день, когда ты страдаешь отъ жажды, набери свѣжей воды въ ротъ, не глотай ни одной капли, выплюнь ее и, главное, не рассказывай объ этомъ

никому“. Итакъ, не старайтесь, чтобы всѣ смотрѣли на васъ и удивлялись вамъ: такое суетное тщеславіе не достойно мудраго человѣка.

Всю свою жизнь Эпиктетъ провелъ въ крайней бѣдности и никогда не добивался ни богатства ни даже довольства. Онъ говорилъ, что истинно богатъ только тотъ человѣкъ, который умѣетъ самъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ. Эпиктетъ жилъ въ маленькой хижинѣ, въ которой не было не только заповровъ, но и дверей. Да и не было ему надобности охранять свое жилище: соломенная подстилка, деревянная скамья, циновка да глиняная лампочка — составляли все его имущество. Одно время онъ пользовался желѣзною лампочкой, которую ему подарили. Но ее у него украли. Тогда онъ замѣнилъ ее глиня-

ною и, улыбаясь, замѣтилъ: „Если воръ вздумаетъ еще разъ меня навѣстить, то онъ ошибется въ своихъ расчетахъ“.

— Иѣтъ нужды, — говорилъ онъ, — убирать свой домъ обоями и картинами, а надлежитъ только украсить его воздержаніемъ и скромностью, ибо эти украшенія — долговѣчны и обвѣщать никогда не могутъ. Человѣкъ расточительный старается, чтобы домъ его былъ всячески разукрашенъ и всѣхъ удивлялъ бы, а человѣкъ разумный украшаетъ не домъ, а душу свою разумніемъ добра и правды.

Однажды Эпиктетъ бесѣдовалъ со своими учениками о дружбѣ и о томъ, какъ должны люди разумные относиться другъ къ другу. Онъ указывалъ на то, что иные люди часто дожидаются, пока къ нимъ обратятся съ просьбой, хотя сами и безъ

того видятъ, что человекъ находится въ нуждѣ.

— Не хорошо такъ поступать, — говорилъ Эпиктетъ. — Взгляните на солнце! Оно всёмъ свѣтитъ и грѣетъ всёхъ, не дожидаясь просьбъ, и радостно встрѣчается всёми. Такъ и вы, — не ожидайте молений и похвалъ, и помогайте людямъ добровольно, и будете любимы какъ солнце.

Ученики согласились съ этимъ, но одинъ изъ нихъ обратился къ Эпиккету и сказалъ:

— Вотъ ты совѣтуешь всегда помогать людямъ, а самъ отворачиваешься отъ богатства. Какъ же ты станешь помогать другимъ, когда ты самъ нищій?

Другіе ученики согласились съ своимъ товарищемъ.

— Какъ вы ошибаетесь! — отвѣтилъ Эпиктетъ. — Развѣ вы думаете, что по-

мощь друзьямъ состоитъ въ томъ, чтобы давать имъ деньги? Правда, у кого есть богатство, тотъ долженъ пользоваться имъ только для того, чтобы помогать ближнему въ нуждѣ. Но трудно богатому человѣку жить добродѣтельно, и трудно добродѣтельному стать богатымъ. Я только тогда буду добиваться богатства, когда вы покажете мнѣ, какимъ путемъ можно его добыть, не теряя чести и прямоты? Если же вы хотите, чтобы я, ради пріобрѣтенія ложнаго богатства, потерялъ единственное истинное мое богатство — чистую совѣсть, то, значить, деньги для васъ дороже, чѣмъ вѣрный и честный другъ. Подумайте же, какъ это несправедливо и жестоко.

Эпиктетъ почти всю свою жизнь былъ холостымъ и только въ преклонныхъ лѣтахъ взялъ себѣ жену, и то не для себя,

а для того, чтобы она помогала ему ухаживать за ребенкомъ одного изъ его друзей. Человѣкъ этотъ по своей бѣдности хотѣлъ было подкинуть кому-нибудь своего ребенка. Тогда Эпиктетъ взялъ ребенка къ себѣ.

Эпиктетъ продолжалъ учить людей до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни. Его пониманіе жизни на столько его удовлетворяло, что не было человѣка болѣе счастливаго и довольнаго своей судьбою, нежели онъ, несмотря на то, что онъ былъ пищикомъ калѣкою. „Словъ человѣческихъ не хватаетъ,—говорилъ онъ,— для того, чтобы достаточно возблагодарить и прославлять Бога за всѣ блага, которыми Онъ насъ надѣлилъ. Что же другого могу я дѣлать,—я, искалѣченный и слабосильный старикъ,—какъ не воспѣвать неумолчно славословіе великому Богу,

даровавшему людямъ все то, чѣмъ они пользуются? Если бы я былъ соловьемъ, то прославлялъ бы Творца соловьиною пѣснью; но будучи разумнымъ существомъ, я обязанъ прославлять Бога на человѣческомъ языкѣ. Въ этомъ задача моей жизни, и я буду ее исполнять даже до послѣдняго издыханія моей плоти.

Такъ жилъ Эпиктетъ. Всѣ силы своей души положилъ онъ на исканіе и изученіе законовъ Бога, и всю жизнь старался согласовать свои мысли, слова и дѣла съ этими законами *).

Лучшіе люди его времени очень почитали его и сильно опечалились его смертью.

Но такіе люди, какъ Эпиктетъ, не

*) Съ главнѣйшими мыслями Эпиктета можно ознакомиться изъ изданныхъ „Посредникомъ“ четырехъ книжекъ „Въ чемъ наше благо?“, содержащихъ избранныя мысли Эпиктета.

умирають. Свѣтлая память о нихъ навсегда остается въ человѣчествѣ. Душа ихъ сливается съ тою вѣчною истиною, которую они уразумѣли и воплощали въ себѣ. И послѣ нихъ каждый, кто желаетъ добра и по мѣрѣ своихъ силъ подвигается впередъ по пути къ истинѣ, можетъ воспользоваться слѣдами этихъ опередившихъ его людей и духовно слиться съ ними самими въ радостное и вѣчное единеніе.

Разсказываютъ, что послѣ смерти Эпиктета одинъ изъ богатыхъ его знакомыхъ, который, очевидно, больше почиталъ славу Эпиктета, нежели его внутреннюю добродѣтель, купилъ его глиняную лампочку съ торга за 3000 драхмъ (на наши деньги 750 р.). Одинъ шутникъ, узнавши это, сказалъ съ насмѣлкой:

— Богачъ этотъ, быть - можетъ, ду-

масть, что если онъ будетъ сидѣть у свѣта этой лампочки, то станетъ такъ же мудръ и славенъ, какъ и самъ Эпиктетъ.

Но, къ счастью, не всѣ почитатели Эпиктета походили на этого богача, — были и такіе, которые умѣли цѣнить своего учителя и понимали смыслъ его жизни и ученія. Нѣкоторые изъ нихъ, уже послѣ его смерти, записали то, что вспомнили изъ его бесѣдъ, и такимъ образомъ передали намъ и увѣковѣчили его мысли.

Въ числѣ почитателей Эпиктетова ученія были и древніе христіане. Такъ, на примѣръ, блаженный Августинъ въ своихъ писаніяхъ отзывается объ Эпиктетѣ съ большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Оригенъ же пишетъ, что въ его время христіане очень усердно занимались изученіемъ Эпиктета, получали себѣ пользу

отъ его мудрыхъ наставленій и такимъ образомъ еще больше укрѣплялись въ истинахъ христіанскаго ученія. Точно также и нашъ русскій святой Тихонъ Задонскій въ сочиненіяхъ своихъ сочувственно упоминаетъ объ ученіи Эпиктета.

Въ чемъ же состоитъ Эпиктетово ученіе?

Въ главныхъ своихъ основаніяхъ оно таково:

Богъ, или первоначальная причина, создавшій міръ и управляющій имъ, безконечно благъ и премудръ. Лучи Его благой мудрости отражаются въ разумѣніи человѣка. И потому истинное назначеніе человѣка—въ томъ, чтобы поднимать и развивать въ себѣ это божеское начало, подражать своему создателю въ Его благорасположеніи ко всей природѣ.

Для достиженія этого человекъ долженъ уметь распознавать благо и зло. Благо есть все то, что возвышаетъ наше разумѣнiе и потому освѣщаетъ путь нашъ. Все, что, наоборотъ, принижаетъ разумѣнiе и затемняетъ путь нашъ — есть зло.

Добро и зло для человека бываетъ по отношенiю къ самому себѣ и по отношенiю къ людямъ. По отношенiю къ самому себѣ добро есть все то, что возвышаетъ, а зло—все, что умаляетъ въ немъ образъ Божiй. По отношенiю къ людямъ добро есть желанiе блага другимъ, зло—желанiе блага самому себѣ.

Для того, чтобы человекъ могъ дѣлать добро и избѣгать зла, онъ долженъ быть свободенъ. Свобода же достигается только тогда, когда человекъ становится независимымъ отъ всякихъ внѣшнихъ обсто-

ятельствъ. По отношенію же къ внутренней своей жизни человекъ всегда свободенъ, потому что всегда можетъ бороться съ своими пороками, можетъ овладѣвать своими желаніями и поступать такъ, какъ велитъ ему его разумная природа.

К о н е ц ъ .

ПРОДАЕТСЯ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

МОСКВЫ И С.-ПЕТЕРБУРГА.
